

Культурная гибридность глазами Андрея Битова: Армения, Грузия, Россия

Елена Чхаидзе

◇ eSamizdat 2021 (XIV), pp. 77-86 ◇

ДАННАЯ статья является продолжением наших исследований творчества Андрея Георгиевича Битова (1937-2018) – писателя, книги которого не отпускают, а интерес к его языку и умозаключениям заставляют вновь и вновь перечитывать текст. Его считают одним из основоположников постмодернизма в русской литературе и нередко называют последним классиком. По мнению американской исследовательницы Эллен Чансес, Битов принадлежал к так называемому поколению детей XX-го съезда КПСС, людям, сформировавшимся в период двух важных исторических событий в СССР: смерти Сталина (1953) и выступления Хрущёва на XX-ом съезде КПСС с секретным докладом о преступлениях Сталина (*О преодолении культа личности и его последствий*, 1956). Это поколение старалось быть более свободным, чем их родители. В том числе, и в литературе. Несмотря на то, что соцреализм оставался главным направлением советской литературы, в СССР появились молодые писатели, которые стремились обрести свой голос и свой стиль. Таким оказался и Битов. Он пытался понять окружающий его мир и своё место в советском обществе, в истории этого общества, а также занять собственную позицию в русской литературе. Используя постмодернистские приёмы, Битов в оригинальной манере представил читателю свою биографию, своё время¹. Вслед за Пушкиным, Достоевским, Ахматовой, Мандельштамом, Бродским писатель пытался переосмыслить традиционные темы русской литературы (маленький человек, Петербург, путешествие на Кавказ) и предло-

жить собственный взгляд, исходя из предпосылок времени, в котором он жил.

В наших предыдущих работах мы уже касались вышеперечисленных тем в творчестве Битова. В статьях и книге *Политика и литературная традиция: русско-грузинские литературные связи после перестройки* (2018, глава *Империя Андрея Битова*)² мы обращались к ‘русскому имперскому человеку’³, к кавказской и петербургской теме, а также к образам и пересечениям с русской классической литературой. Предстоящий анализ будет связан с *Империей в четырёх измерениях*, точнее, с её ‘третьим измерением’, с путешествием на Кавказ.

Битов начал писать свою *Империю* в 60-ые гг. XX века. Первой датой окончания работы является 28 февраля 1993 года, но затем дописываются *Запоздалый эпитаф* и *Приложение*, а 31 января 1995 года была добавлена последняя пометка о завершении произведения. Но *Империя* не закончилась даже 20 лет спустя. Битов дописывает главу-эпилог к ‘четвёртому измерению’ – *Последний из оглашенных*, который выйдет в печати в 2011 году. Как и запланировал автор, книга писалась в течение всей жизни: по мере появления новых идей вносились дополнения и менялась структура. Изначально многие тексты выходили в свет отдельными изданиями, лишь в 1996 году читатели познакомились с полной редакцией текста, а в 2002 году книга вышла единым изданием.

Текст состоит из четырёх частей – измерений.

¹ E. Chances, “In the Middle of the Contrast”: Andrei Bitov and the Act of Writing in the Contemporary World, “World Literature Today”, 1993 (LXVII), 1, с. 65-68.

² Е. Чхаидзе, *Политика и литературная традиция: русско-грузинские литературные связи после перестройки*, Москва 2018.

³ Так охарактеризовал Битов своего Героя, рассказчика в *Империи*.

Как их охарактеризовал С. Чередниченко⁴, первое измерение империи — *Петроградская сторона* (написано в 1960-1970-х гг.) — это малая родина, детство и юность Героя⁵; второе измерение — *Пушкинский дом*⁶ (впервые опубликован в США в 1973 году) — это русская классическая литература; третье измерение — *Кавказский пленник (Уроки Армении. Путешествие из России и Грузинский альбом. Выбор натуры)* — пространство поиска иных миров (профессиональных и культурных) и новых масштабных личностей появляется *Пятое измерение* А. Битова — книга, не вошедшая в единое издание *Империи*. Это книга о русской литературе, включившая в себя эссе о русских писателях и стихи автора. Распад СССР стал главной темой повести *Последний из оглашенных*, содержание которой выстраивалось на материале о поездке в Абхазию, бывшую автономную республику советской Грузии. Конец *Империи* пришёлся на 2011 год. Литературовед Ирина Роднянская подвела черту в работе Битова сказав, что историографическая⁷ задача, которую он сам себе поставил, а именно, написать книгу жизни, была выполнена.

ПОЕДЕМ, Я ГОТОВ [...]

Тема путешествия в *Империи* Битова не раз привлекала филологов: одних интересовал язык произведения, других — география, а третьих — находки рассказчика. Эллен Чансес, в уже упомянутой статье, анализировала способ презентации Армении и оригинальный подход к открытию её особенностей, а также представление в тексте Грузии и описание Битовым опыта накопления знаний о себе и других, который был собран благодаря

⁴ Ср. С. Чередниченко, *Путешественник по империи*, “Вопросы литературы”, 2012, 4, с. 163-174.

⁵ Там же.

⁶ L. Koehler, *Pushkinskii dom by Andrei Bitov*, “The Slavic and East European Journal”, 1979 (XXIII), 2, с. 291-293; О. Богданова, *Роман Андрея Битова Пушкинский дом*, Санкт-Петербург 2009; О. Богданова, *Роман А. Битова Пушкинский дом: ‘версия и вариант’ русского постмодерна*, Санкт-Петербург 2002; И. Сура, *Пушкинист Андрей Битов*, “Временник пушкинской комиссии”, 2020, 34, с. 237-243.

⁷ И. Роднянская, *Новые сведения о человеке*, в А. Битов, *Обоснованная ревность. Повести*, Москва 1998, с. 6.

ассоциациям и знаниям истории русской литературы. Чансес упоминает толерантность путешественника по отношению к другим культурам и огорчение, появившееся в связи с грузинским языком, который так отличается от русского и из-за этого не даёт возможности полностью понять их мир⁸.

Итальянская исследовательница Ирина Маркезини также обращается к теме путешествия на Кавказ у Битова. Ссылаясь на биографию писателя, она подчёркивает роль цитат, которые помогли оказаться вне времени и выстроить настоящий мост между культурами. Маркезини пишет, что в битовской *Автобиографии* (1967) упоминается фильм Федерико Феллини *La Strada* (Дорога, 1954) и предполагает, что глаза главной героини-путешественницы Джельсомины, в которых сливаются смех и злость, благодаря дороге, становятся невинными свидетелями великого зрелища жизни. По мнению филолога, сила этого взгляда, вероятно, натолкнула Битова на мысль о том, что повествовать о современной реальности, со всей её сложностью, можно с помощью художественного языка и темы путешествия, а также, ей кажется, что, начиная с этого упоминания, тема путешествия становится ведущей в творчестве Битова⁹.

Оксана Матасова и Эльмира Тугушева анализируя восприятие немецкими учёными творчества Битова, отмечают, что писатель стал известен западному читателю как первый из русских постмодернистов. После выхода *Уроков Армении* в немецком переводе, исследователи в Германии говорили о том, что уже к концу периода оттепели в прозе Битова появляются постмодернистские методы, а приём отчуждения, который помог взглянуть на Россию и на себя извне, стал визитной карточкой писателя¹⁰.

⁸ E. Chances, “*In the Middle*”, указ. соч., с. 66.

⁹ I. Marchesini, *Russia, Armenia, Europa nella visione di Andrej Bitov*, in *Il mondo slavo e l'Europa. Contributi presentati al VI Congresso Italiano di Slavistica (Torino, 28-30 settembre 2016)*, под ред. М. С. Bidovec — М. С. Bragone, Firenze 2019, с. 209-217.

¹⁰ О. Матасова, Э. Тугушева, “*Кавказский текст*” А. Г. Битова в русской и зарубежной (немецкой) критике, “Известия Саратовского университета. Филология. Журналистика”, 2020 (XX),

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ РЕСПУБЛИК СВОБОДНЫХ [...]

Исходя из нашей новой идеи исследования, мы решили обратиться к *Империи* Битова для того, чтобы найти ответы на следующие вопросы: как в тексте, начатом в советский период, написанном писателем, который родился и сформировался в Советском Союзе, где ведущей идеологией была дружба народов, представлена культурная гибридность? Существовала ли она вообще? Если “да”, то в какой форме?

Постколониальный термин культурная гибридность (*cultural hybridity*) связывали: 1) с постколониальной историей; миграцией и диаспорами, которые формировались / переселялись на территории колонизаторов или колонизованных, а также с преднамеренной или спонтанно формирувавшейся культурной гибридизацией (Фанон¹¹, Янг¹²); 2) с межкультурной коммуникацией (*cultural encounters*), которая предлагала новый взгляд на культуру и историю отдельных социумов (Амин¹³, Бхабха¹⁴); 3) с гибридными пространствами или пространствами между (*in-between*) и становлением новой гибридной культуры (Бхабха¹⁵); 4) с различием территориальных особенностей и акторов диалога, а также с выработкой специфических форм знания (Саид¹⁶, Бёрк¹⁷). Понятие культурной гибридности наполнялось разными значениями. Эдвард Саид писал о возможности коммуникации с колонизированными народами не только с помощью власти, но и с помощью накопления специальных знаний о них¹⁸, т.е. через

2, с. 212-217.

¹¹ F. Fanon, *A Dying Colonialism*, New York 1967; Он же, *Black Skin, White Masks*, New York 1968.

¹² R. Young, *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*, London-New York 1995.

¹³ A. Amin, *Land of Strangers*, Cambridge 2012.

¹⁴ H. Bhabha, *A Question of Survival: Nations and Psychic States, Psychoanalysis and Cultural Theory*, под ред. J. Donald, New York 1991, с. 89-103.

¹⁵ H. Bhabha, *The Location of Culture*, London-New York 1994.

¹⁶ E. Said, *Orientalism*, London 1978; Он же, *Culture and Imperialism*, London 1993.

¹⁷ P. Burke, *A Case of Cultural Hybridity: The European Renaissance*, < https://www.eth.mpg.de/3790199/Goody_Lecture_2012.pdf > (последнее посещение: 26.05.2020); P. Burke, *Cultural Hybridity*, Cambridge 2009.

¹⁸ E. Said, *Culture*, указ. соч.

разработку понятий, связывающих разные культуры. Хоми Бхабха видит в культурной гибридности результат столкновения колониальной и местной культур, а также способ встроиться в колониальную систему при помощи мимикрии. По его мнению, гибриды не вступают в противоречие с иными трактовками культурных объектов, а как культурные объекты образуются при попытке представления глобального или европоцентрического явления. Учёный фактически обезличивает колонизованного, лишая его идентичности / границ в виде национальных или расовых особенностей, так как основной задачей становится мимикрия под колонизатора¹⁹. Историк Питер Бёрк отмечает в культурной гибридности наличие культурного обмена, результатом которого становится появление новых культурных пространств и явлений²⁰.

Упомянутые теории сконцентрировали своё основное внимание на европейских империях, мы же обратимся к иному пространству, которое официально не было империей, а являлось Союзом. Активная идентификация советского пространства как имперского началась после распада СССР, хотя исследователи и интеллектуалы бывшего Союза (особенно на Кавказе и в Азии) отвергают определения СССР как колониальной империи, а себя как колониальной интеллигенции²¹. Аргументируется такой взгляд разными доводами, например, отсутствием расовой стратификации, а также, если говорить о делении на центр и периферию, то оно становится размытым при обсуждении формирования культурных процессов, потому что иногда сообщества на периферии имели большее влияние на развитие культурно-литературных или экономических процессов. На амбивалентность в определении СССР указал американский исследователь Дэвид Мур, который ввёл термин *reverse-cultural colonization*²². Учёный отмечал, что экспансия, проводимая СССР, сопровожда-

¹⁹ H. Bhabha, *The Location*, указ. соч.

²⁰ P. Burke, *Cultural Hybridity*, указ. соч.

²¹ М. Тлостанова, *Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская культура и эстетика транскультурации*, Москва 2004.

²² D. Moore, *Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique*, “PMLA”, 2001 (CXVI), 1, с. 111-128.

лась и мессианской целью: индустриализация, развитие медицинского обслуживания, распространение просвещения и ликвидация безграмотности. Линию амбивалентности продолжил и американский исследователь Терри Мартин, сфокусировавший внимание на анализе действий центральной власти по поддержке и развитию культур национальных меньшинств и доказавший неверность представлений о подавлении малых народов титульной нацией²³. В статье на эту же тему *Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?* автор пишет о том, что большевики проводили политику имперской деколонизации, сводившуюся к культивированию отдельной национальной идентичности и национального самосознания нерусского населения, целью которой было сохранение территорий Российской империи для формирования нового централизованного социалистического государства²⁴. Этапами в процессе деколонизации были: выделение территорий малым нациям, открытие культурных учреждений, восстановление исторической памяти и издание классических произведений национальной литературы. Мартин приводит факты, когда представители национальных меньшинств обладали большими привилегиями, например, в продвижении по карьерной лестнице в политике²⁵. Ярким примером этому является Грузия — республика, вопрос о периферийности которой остаётся открытым, так как выходцы из Грузии имели серьёзное влияние на политическую и культурную жизнь в СССР. Например, они занимали ведущие позиции в высших эшелонах власти Советского Союза и не один год формировали политику государства (И. Сталин [Джугашвили] — Генсек ЦК КПСС; Л. Берия — министр Внутренних дел СССР; С. Мамулов — заместитель Берии,

курировавший систему ГУЛУГа²⁶; А. Микоян — министр внутренней и внешней торговли СССР, получивший образование и начавший карьеру в Тифлисе; Э. Шеварднадзе — министр иностранных дел СССР т. д.). Подтверждением этому служат слова из книги Эрика Скотта:

Грузины играли ведущую роль на каждом этапе эволюции СССР — от его возникновения до распада. Иосиф Сталин был представителем группы грузинских революционеров, которые выдвинулись в первые годы советской власти и руководили строительством нового государства. После установления социалистического строя советские граждане стали искать новые возможности отдыха и потребления — и нашли их в грузинском ресторане, откуда переняли основные ритуалы грузинского застолья. В годы ‘оттепели’ вольный дух эпохи воплощали собой грузинские деятели культуры — эстрадные исполнители песен и танцев. Когда же наступил период брежневского застоя, грузины добились преуспевания в разраставшемся теневом секторе экономики. Наконец, с началом перестройки именно грузинский фильм — *Покаяние* — достиг пределов дозволенного, поставив под вопрос саму легитимность советской власти²⁷.

Возвращаясь к моей основной цели, следует отметить, что анализ данного гипертекста является непростой задачей, потому что здесь переплетаются и сталкиваются постмодернистские дискурсы и постколониальные / постимперские понятия. Начав работу над книгой в 1960-ые годы и закончив её в 1993-м, Битов превзошёл слова американского исследователя Бхабхи: “Мы живём в пространстве постмодерна и во времена постколониальности”²⁸. Из названия книги ясно, что является главным объектом внимания Битова. Несмотря на то, что писатель был много раз назван одним из основателей постмодернизма в русской литературе, в данном исследовании, посвященном иным аспектам, игра постмодернистскими приёмами уйдёт на второй план, и разговор о культурной гибридности, наталкнувшись на постмодернистское — смерть автор²⁹, не сможет быть продолжен без обращений к биографии писателя, на которой построен весь текст. Само название — *Империя в четырёх измерениях* и содержание книги осно-

²³ Ср. Т. Мартин, *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*, Ithaca 2001 (Т. Мартин, *Империя ‘положительной деятельности’. Нации и национализм в СССР, 1923-1939*, пер. на рус. О. Р. Щёлоковой, Москва 2011).

²⁴ Он же, *The Empire of Positive Action: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism*, (пер. на рус. Т. Мартин, *Империя позитивного действия: Советский союз как высшая форма империализма?*, “Ab Imperio”, 2002, 2, с. 56).

²⁵ Там же, с. 72.

²⁶ Э. Скотт, *Свои чужаки. Грузинская диаспора и эволюция советской империи*, Москва 2019, с. 124.

²⁷ Там же, с. 12-13.

²⁸ Н. Bhabha, *The Location*, указ. соч., с. 191.

²⁹ R. Barthes, *La mort de l'auteur*, “Aspen Magazine”, 1967, с. 5-6.

ываются на биографии и географии жизни писателя.

ГДЕ ТАК ВОЛЬНО ДЫШИТ ЧЕЛОВЕК...

В советское время потомственный интеллигент, писатель, пушкинист, Андрей Георгиевич Битов из-за брата, жившего за границей, стал невыездыным. Препятствие и любопытство послужило поводом для частых путешествий по Советскому Союзу. Таковой стала поездка на Кавказ. Она легла в основу 'третьего измерения' — *Кавказский пленник (Уроки Армении. Путешествие из России и Грузинский альбом. Выбор натуры)*.

Третье измерение состоит, условно говоря, из *Учебника (Армения) и Альбома (Грузия)*. *Учебник* об Армении включает в себя несколько 'уроков'. Например, в *Уроке языка* содержатся главы об армянском букваре, созвучиях и прямой речи:

Да простит мне Россия, я готов согласиться: наш алфавит проигрывает... У "великого, могучего, правдивого и свободного" (Тургенев) не будет от такого заявления³⁰.

В *Уроке истории* мы находим восторги по поводу всенародных знаний армян своей истории и древней архитектуры. В России такого отношения к своему прошлому рассказчик не встречал:

- Андрей, посмотри, во-он та гора, видишь? А рядом другая... Вот между ними: Андраник встретил турок и остановил их, и они повернули обратно.
- Вот видишь трубу? А рядом с ней длинное здание. Это ТЭЦ. Построена несколько лет назад. Раньше тут жили молукане.
- А вот тут Пушкин встретил арбу с Грибоедом...
И так без конца. Это мне говорили шофёры и писатели, повара и партийные работники, взрослые и дети.
И не было дома, где бы я не видел одну толстую синюю книгу с тремя красивыми уверенными буквами на обложке — ЛЕО. Я видел её в тех домах, где, в общем, книг не держат, — тот или другой из трёх синих томов ЛЕО.
Лео — историк, написавший трёхтомную историю Армении. [...] ³¹

Урок географии состоит из размышлений, на которые рассказчика натолкнули город, озеро и другие красоты природы, а часть *Кавказский*

пленник не связана напрямую с образами из произведений классической русской литературы, это скорее всего философствования, порождённые увиденным, например, об укладе семьи, о женщинах и мужчинах, о детях и многом другом. Не обошлось, конечно, без главы о вере (*Урок веры*) и темы христианства, так как всем известно, что Армения — одна из древних христианских стран. Также были *уроки* об армянском мудреце и многое другое. Детальное знакомство автора-путешественника с Арменией необходимо было для написания статьи о сближении и слиянии наций в СССР, которую ему поручила редакция газеты. Исходя из текста, событие приходится на 1967 год и десятидневное пребывание переродилось в работу над книгой, которую Битов писал около двух лет.

Возвращаясь к теме культурной гибридности, логично было бы предположить, что журналист-рассказчик, являясь советским человеком, сформировавшимся в условиях идеологии дружбы народов, сам будет являться культурным гибридом и вокруг него будет много таких же примеров. Оказалось, что поездка в Армению не дала материала для анализа в лице приезжего и местных жителей. Не раз автор вводит в текст фразы, подтверждающие существование дистанции между, так называемыми в постколониальных исследованиях, "колонизатором и колонизованным: страна потрясла меня как другая, не Россия"³²; или

О чём мы говорим? А говорим мы вот о чём...

- Если я армянин, — говорит он, — то я армянин и никто другой. Есть ли у меня основание любить какую-нибудь нацию так же, как свою? Нету... Но тогда есть ли у меня право предпочитать какую-либо нацию другой? Никогда. Нельзя быть армянофилом, если ты не армянин, так же, как нельзя быть армянофобом. Вот ты стал армянофилом, а это нехорошо.
- Почему это я стал армянофилом?
- А так. Вот ты написал уже раз обо мне, как об армянине, и похвалил, написал только хорошее. Просто так написал. Потом ты напишешь ещё раз, об этой поездке. Тоже, конечно, не скажешь об армянах плохо, скажешь ещё раз хорошо. А потом, в третий раз, ты уже обязан будешь любить нас и стоять на этом, чтобы не быть предателем. Ты уже армянофил.
- М-да, — сказал я, — это мне не нравится.
- И мне это не нравится, — сказал друг, — именно поэтому я дал себе слово: никогда ни о какой другой нации не сказать ничего. Ни дурного, ни хорошего.

³⁰ А. Битов, *Путешествие из России. Измерение III*, Санкт-Петербург 2009, с. 105.

³¹ Там же, с. 137.

³² Там же, с. 173.

Но мне уже поздно следовать этому принципу, мне уже не отказаться от многих слов, чтобы не предать³³.

Автор-рассказчик не ввёл в текст ни одного подтверждения слияния в одном человеке армянской и русской культур и не заметил ‘мимикрии’ (Бхабха) ни у одной из сторон. Наоборот, вышеприведённый диалог доказывает стремления сохранить свою оригинальность без вкраплений иной культуры.

С Грузией было иначе. *Выбор натуры. Грузинский альбом*, вышедший в свет в 1985 году в Тбилиси, выстраивается чередованием петербургских — русских глав с грузинскими — тбилисскими. Три главы с грузинской тематикой были опубликованы легально как фон к портретам друзей Битова в 1976-м, а три русских главы уже нелегально в “пресловутом бесцензурном альманахе ‘Метрополь’ в 1979”³⁴. Любопытно, что первая петербургская (ленинградская) глава книги — *Последний медведь* — написана в Тбилиси. Самим смешением глав автор указывает читателю на взаимосвязь России и Грузии. И слово ‘альбом’ в названии наводит на ассоциацию с семейным альбомом. Не зря на обложке издания 1985 года изображена фотография из семейного альбома.

В данной части *Империи* Битов обыгрывает определения ‘колонизатор’, ‘колонизованный’, ‘имперский человек’, ‘захватчик’. Во второй половине XX века для наследника традиций русской литературы захватом является влюблённость в увиденное в Тбилиси:

Как странно понимать, что это чьё-то, не ваше дело... А вы то так почувствовали, так полюбили, так поняли! и вы так сумеете восхититься и полюбить все чужое, что не покажется себе захватчиком³⁵.

Уже с первых строк возникают параллели и ассоциации со своим миром, который почему-то существовал на их земле:

... в Грузию я вернулся. Как домой. [...] Будто Грузия была даже больше Россией, чем сама Россия, во всяком случае, больше чем Советский Союз³⁶.

Ощущение дома появилось благодаря русской литературе: Пушкину, Толстому, Маяковскому, Пастернаку, которые сюда приезжали и творили, а параллельно этому чувству появилось ощущение нахождения в клетке, чувство пойманного³⁷ между двумя культурами, двумя периодами времени, двумя территориями — Россия–Грузия. Прогуливаясь по городу, путешественник замечает, что сквозь него проходят три человека, похожие на Лермонтова, Пушкина и, скорее всего, Толстого:

один высокий, с узкой головой, в усах и кепочке; другой — в ватнике, похожий на Пушкина; третий грач в пиджаке... — нисколько не удивились на то, что я не такой, как они, прошли сквозь меня³⁸.

Картина выстраивается таким образом, что у колонизатора появилось ощущение нахождения в межкультурном пространстве — в пространстве *in-between* (Бхабха). Благодаря XIX веку — золотому веку русской литературы и периоду покорения Кавказа Российской империей, а позже — моде на Кавказ и многочисленной русской элите, отправлявшейся сюда за вдохновением — “иная планета”³⁹ — Грузия в сознании человека из центра оказывается пропитанной русской литературой и историей. Подтверждением этому являются ассоциации с образами русских писателей, возникающие в голове автора-рассказчика, когда он гуляет по Тбилиси. В данном контексте нарративы ‘колонизатора’, ‘колонизованного’, ‘захватчика’, ‘захваченного’ появились после подписания Георгиевского трактата в 1783 году. Но, исходя из текста, в сознании путешественника роли колонизатора и колонизованного смешиваются, а невозможность вырваться из рамок литературной традиции порождает оригинальное определение — ‘агент империи’:

Тиражированный агент Империи выступает как мироносец, совершенно не чувствуя себя хозяином [...]. Про него знают, что он собирает подать, — он один в скромном неведении на этот счёт⁴⁰.

³⁷ В своё время Бхабха описывал ощущение пойманности между двух культур, см. Н. Bhabha, *The Location*, указ. соч.

³⁸ А. Битов, *Путешествие из России. Измерение III*, Санкт-Петербург 2009, с. 353.

³⁹ Там же, с. 333.

⁴⁰ Там же, с. 362.

³³ Там же, с. 174.

³⁴ Там же, с. 537.

³⁵ Там же, с. 361.

³⁶ Там же, с. 536-537.

Устав от навязываемой ему роли “лазутчика и захватчика”⁴¹, путешественник призывает себя разрушить такое представление. Рассказчик пытается высвободиться из-под нормы репрезентации Кавказа в литературе XIX века, но не может. В Тбилиси о русских классиках напоминало всё: таблички — “буквы были хотя и грузинские, но даты — мои”⁴²; дома, в которых останавливались русские писатели; природа и ландшафт Грузии, воспетые в русской литературе, ощущение “перекрёстка времен”⁴³, которое появилось из-за трёх силуэтов, похожих на Лермонтова, Пушкина и, скорее всего, Толстого⁴⁴. Автор-рассказчик оказывается ‘кавказским пленником’ собственных знаний.

Наследник традиции становится её же заложником:

Я не хотел постигнуть. Я хотел — отторгнуть, [...] любое добавление к славе [...], любое признание со стороны — есть предвестие конца, есть захват и присвоение [...] и тот, кого любишь становится жертвой нашей страсти⁴⁵.

Раздвоенность лишает состояния счастья:

[...] счастье соответствия владело мною секунду, пока я, отрезавшись, предавался чужому чувству родины. Лазутчик и захватчик!⁴⁶

Чувство тревоги (*anxiety*) и расщеплённости⁴⁷ не покидает на протяжении всей поездки. Кроме влюблённости в ‘своё’ у ‘них’, плодом захвата становится романтизированное увиденное. Особенными казались места, скрытые от глаз широкой публики и манера общения в главе *Воспоминание об Агарцине*⁴⁸. В *ожидании Зедазени*⁴⁹ описано посещение маленькой горной деревни и

заброшенного монастыря, чья атмосфера вызвала ассоциации с раем:

О боже! Мы оказались... [...] Будто это только что нас за руку привели, сказали: “Плодитесь и размножайтесь!”⁵⁰ Рука. Она ещё не прикасалась к этому миру. [...] Я глянул, охнул; а когда вспомнил и оглянулся — Его уже не было. И только моя пустая ладонь хранила ещё прикосновение того, кто привёл нас⁵¹.

А в главе *Осень в Заоди*⁵² путешественник рассказывает читателю о мире душевного спокойствия и наслаждения: “Одним нам досталось даром кем-то заслуженное счастье”⁵³; “Здесь было так хорошо и ясно, среди мужчин. Столько нежности и чистоты возможно между друзьями — где, кроме Грузии, это еще и понимать!”⁵⁴. В их мире, в Тбилиси, было всё живое, настоящее, доброе: “Здесь приживётся даже злой, угрюмо, никому не делая зла⁵⁵ (...) Есть в этом городе, есть и в людях вот что: он живет, а не выживает”⁵⁶). В грузинском селе была же своя прелесть и особенность:

В селе никого не было — старики. Они не торопились [...] Они не торопились понимать и не торопились отвечать [...]. И снова взглядывал я в эти чистые лица, вымытые временем и разглаженные его достатком, [...] время и достоинство в том числе — не роняли и не теряли⁵⁷.

В СЛОВЕ “МЫ” — СТО ТЫСЯЧ “Я”!⁵⁸

Культурная гибридность приехавшего в Грузию была основана на знаниях русской литературы и истории Российской империи. Возникает вопрос, есть ли в тексте сюжеты, указывающие на гибридность у колонизованных, у грузин? Откликнулась ли в них культура колонизатора?

Первый сюжет, указывающий на связь культур, встречается в той же главе *Осень в Заоди*.

⁴¹ Там же, с. 333.

⁴² Там же, с. 356.

⁴³ Хоми Бхаха выделяет понятие временного зазора или запаздывания — неустойчивого состояния темпорального разрыва в процессе репрезентации, во время которого ранее разлученный со значением знак наделяется новым смыслом, уже обогащенным успешным выработаться гибридным или пограничным дискурсом. См. Н. Bhabha, *The Location*, указ. соч., с. 191-192.

⁴⁴ А. Битов, *Путешествие*, указ. соч., с. 353.

⁴⁵ Там же, с. 334.

⁴⁶ Там же, с. 361.

⁴⁷ Н. Bhabha, *The Location*, указ. соч., с. 75.

⁴⁸ Армянский монастырь, построенный в X-XIII веках.

⁴⁹ Зедазенский монастырь — монастырь в Грузии, основанный в VI веке и опустевший в XVII веке.

⁵⁰ А. Битов, *Путешествие*, указ. соч., с. 340.

⁵¹ Там же, с. 341.

⁵² Вместо эпиграфа к главе стоят инициалы *Р.Г.*, обозначающие — Резо Габриадзе, друг Битова, известный грузинский режиссёр, который нарисовал иллюстрации к книге Битова *Метаморфоза*. Именно он знакомил писателя с Грузией.

⁵³ А. Битов, *Путешествие*, указ. соч., с. 401.

⁵⁴ Там же, с. 398-399.

⁵⁵ Там же, с. 359.

⁵⁶ Там же, с. 358.

⁵⁷ Там же, с. 392.

⁵⁸ Строка из стихотворения, ставшего советским гимном дружбы, *Родина моя* (“Я, Ты, Он, Она — вместе целая страна”) Роберта Рождественского.

В конце мужского застолья на природе грузины дарят путешественнику единственную книгу, которая у них оказалась. Это была биография Пушкина на грузинском языке. Символический сюжет подтверждает проникновение и интерес к культуре колонизатора в Грузии. Произошёл момент ‘захвата’ имени, которое для русской культуры является ‘всем’ (“Пушкин — наше всё” — известная реплика А. Григорьева). Но видение биографии поэта и смысл, который вкладывают в него грузины, оказываются недоступными для прочтения, так как книга на грузинском языке. Второй сюжет-намёк на взаимопроникновение культур вновь связан с Пушкиным. В главе, посвящённой известному грузинскому режиссёру — Отару Иоселиани, читатель узнает, как во время посещения его дома Битову захотелось взять том Пушкина, который стоял на полке, и прочитать друзьям отрывок из *Жил на свете рыцарь бедный...*, но именно эта страница в книге была вырвана. Опять захват со стороны колонизованного?

Параллели с XIX веком не покидают Битова и в доме режиссёра. Находясь в гостиной, писатель представляет себе, как размеренно жили и творили его литературные предки:

А они не спеша провели лучшие годы в гостиных, именно те, кто исписал тома и вошел в школьную программу! Это они написали собрания сочинений, которые служат теперь образцом труда, это они написали бездну писем своим друзьям [...] ⁵⁹.

Описывая грузинскую хозяйку Нану, Битов подчёркивает её особую пластику, неторопливость, гостеприимство, умение слушать. И этот образ напоминает ему Нину Чавчавадзе, жену А. Грибоедова, автора *Горя от ума*. Любовь дочери грузинского князя и поэта, Нины Чавчавадзе и русского дипломата А. Грибоедова была недолгой и трагичной: когда они поженились, ей было 15, а ему 33. Прожили вместе всего несколько недель, после чего его отправляют в Тегеран, где Грибоедов был жестоко растерзан. Когда его убили, Нина была беременна и потеряла ребёнка из-за переживаний. Замуж она так больше и не вышла. Битов завидует такой любви и словам, которые Нина написала

на могильном камне: “Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!”. Образ Нины Битов связывает с реальностью, в сознании гостя она оказывается то сестрой, то внучкой Наны, а в конце её матерью.

Приведённый сюжет позволяет говорить не только о пойманности традицией, но и о присутствии в грузинском доме русской культуры, иначе подобные ассоциации не появились бы у рассказчика. XIX век не отпускает ни колонизованного, ни колонизатора. Душевный восторг и счастье соответствия продолжают, когда рассказчик увидел на стенах старые пожелтевшие фотографии счастливых предков. Это напоминало семейные фотографии из его жизни. Ощущение длилось недолго, всё закончилось, когда в грузинской семье заговорили на недоступном грузинском языке. Грузия для автора стала межкультурным пространством, в котором не только он нёс на себе груз знаний о совместном прошлом, но и увидел следы влияния русской культуры на грузинскую.

“Имперский периметр” ⁶⁰ русской литературы распространялся вширь пространства, но путешествие по *Империи* Битова оказалось путешествием по собственной душе ⁶¹. ‘Странный странник’, путешествуя по Армении, сформировал для себя образ России — Армения написана о России ⁶². *А Грузинский альбом* являлся, по мнению литературоведа Льва Аннинского, парафразом *Уроков Армении*, который для Битова стал душевной терапией и загадочной памятью, влекущей душу в бездну прошлого ⁶³. Наше исследование предоставило анализ иной перспективы, связанной с поездками на Кавказ: анализ не только восприятия другого мира писателем из центра, но и восприятие другими его присутствия, а также анализ культурной гибридности жителей периферии империи. Оказалось, что наряду с влиянием культу-

⁶⁰ И. Кула, *Осколки бывшей империи. Грузия в современной путевой прозе* (‘Карта родины’ П. Вайля), в *Россия-Грузия после империи*, под ред. М. Лекке — Е. Чхаидзе, Москва 2018, с. 227.

⁶¹ По определению Льва Аннинского в статье *Странный странник*, см. эл. ресурс: < http://rulibs.com/ru_zar/prose_rus_classic/bitov/9/j95.html > (последнее посещение: 21.10.2021).

⁶² Там же

⁶³ Там же.

⁵⁹ А. Битов, *Путешествие*, указ. соч., с. 436.

ры центра на периферию (в случае с Грузией), существовали места, в которых, несмотря на идеологию дружбы народов и выстраивание культурных скреп, проводилась грань между своим и чужим (как в случае с Арменией). Задачей отталкивания и сопротивления являлось сохранение оригинальности своего мира, своей культуры. В Армении жители с удовольствием знакомили приехавшего с местными красотами, но вместе с тем, чётко проводили грань между своим и чужим. А в Грузии её история стала почвой для появления культурных гибридов и со стороны колонизатора, и со стороны колонизованного. Русская литература не для всех в СССР стала звеном, соединившим провинцию и центр империи. Битовский русский имперский человек, побывав в мире, который в XIX веке был модной экзотикой, открывал для себя Армению, а в Грузию возвращался.

◇ *Cultural Hybridity in Andrei Bitov: Armenia, Russia, Georgia* ◇

Elena Chkhaidze

Abstract

This article discusses the presentation of cultural hybridity in the USSR based on Andrei Bitov's book *Imperiia v chetyrekh izmereniiakh* [*Empire in Four Dimensions*]. The third dimension, *Kavkazskii plennik* [*The Prisoner of the Caucasus*], is taken as the basis for the analysis and describes the travel to Soviet Armenia and Georgia. The analysis focuses on the intertwining of central and provincial cultures within the Soviet empire and the extent to which this mixing occurs.

Keywords

Bitov, Cultural Hybridity, Culture Inbetween, Armenia, Georgia, Russia, Empire, Imperial Man.

Author

Elena Chkhaidze (Ruhr University, Germany), PhD, is specialised in Russian and Comparative Studies. She is the author of a number of publications on Russian and Georgian literature (19th to 21st centuries). Among her research interests: Russian postmodernism, interethnic literary relationships, post-imperial studies, memory studies, nostalgia, questions related to nationalism, trans- and multiculturalism.

Publishing rights

This work is licensed under **CC BY-SA 4.0**

© (2021) Elena Chkhaidze